

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 141–146. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 141–146. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"20"

EDN EWIWOA

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-141-146>

ОСМЫСЛЕНИЕ А. БЛОКОМ ПРИНЦИПОВ РОМАНТИЗМА В ПЕРИОД РАБОТЫ В БОЛЬШОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ (1919–1921)

Королева Вера Владимировна, доктор филологических наук, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, queenvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>

Аннотация. В статье поднимается вопрос об участии А. Блока в создании репертуара для Большого драматического театра в период с 1919 по 1921 гг., теоретической основой которого становятся идеи возрождения классики и возвращения к романтизму. В процессе работы поэт приходит к расширению категории романтизма, утверждая идею его вневременности. В результате весь репертуар Большого драматического театра обретал единую систему, цель которой состояла в предоставлении зрителю возможности посмотреть на классику новыми глазами в свете революции 1917 г., когда происходила ломка ценностей и закладывались новые принципы искусства. Блок хотел внести свой вклад в обновленную систему приоритетов, выдвигая на первый план своего романтического героя – революционера, человека с чистой, доброй душой, который стремится создать справедливое общество, построенное на принципах добра, в основе которого будут лежать вечные ценности в виде классики.

Ключевые слова: А. Блок, романтизм, Большой драматический театр, герой-романтик, романтические категории, созидательная ирония.

Для цитирования: Королева В.В. Осмысление А. Блоком принципов романтизма в период работы в большом драматическом театре (1919–1921) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 141–146. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-141-146>

Research Article

A. BLOK'S COMPREHENSION OF THE PRINCIPLES OF ROMANTICISM DURING HIS WORK AT THE BOLSHOI DRAMA THEATER (1919–1921)

Vera V. Koroleva, Doctor of Philological Sciences, Vladimir state University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, queenvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>

Annotation. The article raises the issue of Alexander Blok's participation in the creation of the repertoire for Petrograd's Bolshoi Drama Theatre in the period from 1919 to 1921, the theoretical basis of which includes the idea of reviving the classics and returning to romanticism. In the process of work, the poet came to expand the category of romanticism, asserting the idea of its timelessness. As a result, the entire repertoire of the Bolshoi Drama Theatre acquired a single system, the purpose of which was to provide the viewer with the opportunity to look at the classics with new eyes in the light of the 1917 Revolution; then values were being breaking down and new principles of art, laid. Alexander Blok wanted to contribute to the updated system of priorities, highlighting his romantic hero – a revolutionary, a human with a pure, kind soul eager to create a just society built on the principles of goodness, which would be based on eternal values in the form of classics.

Keywords: Alexander Blok, romanticism, Bolshoi Drama Theatre, romantic hero, romantic categories, creative irony.

For citation: Koroleva V.V. A. Blok's comprehension of the principles of Romanticism during his work at the Bolshoi Drama Theater (1919–1921). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 141–146 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-141-146>

В 1918 г., в переходную эпоху, когда встает вопрос о дальнейшем пути развития русской культуры, о создании идеала для человека новой эпохи, при поддержке М. Горького и А.В. Луначарского был основан Большой драматический театр. В качестве главного идеолога и руководителя театра был приглашен А. Блок.

Перед руководством Большого драматического театра в первую очередь встает задача разработки тематической и идейной направленности театра, ориентируясь на пролетарского зрителя. Одновременно поднимается вопрос о необходимости сохранения классики, которая должна быть показана сквозь призму нового времени. Эти размышления нашли отражение в первом номере журнала «Дела и дни Большого Драматического Театра», вышедшего в сентябре 1919 года, где М. Горький, А.В. Луначарский, Е. Замятин, А. Блок и др. обсуждают мысль о создании «театра революции», «который бы поставил целью своей идеализацию личности, возрождал бы романтизм, поэтически раскрашивал бы человека» [Дела и дни: 1, 7–8].

М.Ф. Андреева, комиссар по делам театров, благодаря декрету которой и был утвержден Большой драматический театр, в качестве основной задачи этого театра видит «возрождение классики драматического искусства: классической трагедии, высокой комедии и романтической драмы» [Дела и дни: 1, 37–88]. М. Горький в основу концепции театра предлагает заложить идею возрождения романтизма: «В наше время необходим театр героический, театр, который поставил бы целью своей идеализацию личности, возрождал бы романтизм, поэтически раскрывал бы человека» [Дела и дни: 1, 7]. Этой позиции придерживается и А. Блок, который считает, что именно романтизму предначертано стать живительной влагой и животворящим духом в процессе формирования новой русской культуры, как это уже было много раз в процессе исторического развития человечества. В письме к М.Ф. Андреевой от 24 сентября 1919 г. Блок пишет: «Я все больше думаю о том, что нам надо резко повернуть. Пока государство идет навстречу, надо успеть заразить толпу (и трупы в том числе) истинно высоким; в этом направлении мы никогда не зайдем слишком далеко» [Блок 8: 522]. Он полагает, что «современная душа, истерзанная чудовищной раздвоенностью жизни, требует цельности» [Блок 8: 348], которую ей может дать только высокое – классика.

А. Блок осознает всю сложность эпохи, в которую приходится творить. В его заметках звучат опасения за судьбу России, о чем он косвенно пытается предостеречь свое поколение: «Были, однако, времена и страны, где люди долго не могли помириться и друг друга истребляли. Тогда дело кончалось хуже,

чем началось. Такие страны, где не видно было конца братоубийственной бойне, где люди все разрушали да грабили, вместо того чтобы начинать строить и беречь, – эти страны теряли свою силу, они становились слабыми и нищими, и тогда их голыми руками забирали соседи, кто посильней» [Блок 4: 378].

Блок, ранее увлекавшийся театральными экспериментами («Балаганчик», «Незнакомка» и др.), в последние годы изменил свое отношение к ним. Он считает эксперименты временным этапом в процессе поиска новизны, а классику – вечной и незыблемой. В качестве примера Блок приводит творчество В.Э. Мейерхольда: «Мейерхольд лично – большой художник, и *его* эти мысли не развратят, они для него лично – плодотворны. Но окружающих его эти мысли иногда, как мне казалось, развращали. И вот почему случалось, что в “исканиях” своих он частью достигал блестящих результатов, но в другой части – нередко срывался и падал очень низко в смысле достижений театральные» [Блок 6: 399–400]. Поэт полагает, что путь экспериментов – опасен, в нем есть «некая “ненасытность”, которая уводит автора все дальше и дальше, результатом чего становится абсурд» [Блок 6: 400].

Блок придерживается мысли, что искания и бездумное отрицание классики, которое было популярно в начале XX в., привело к потере вечных ценностей, взамен которым новаторы так и не смогли предложить ничего более целостного и музыкального. В свою очередь, Блок считает романтиков мастерами музыки, а значит и поэтического искусства: «они знали цену стихам, и певучие потоки слов служили для них могучим средством воздействия, часто сообщали совершенно новое содержание тем мыслям, которые в эти стихи заключены» [Блок 8: 355].

Блок в последние годы жизни пытается осмыслить романтизм по-новому, о чем свидетельствуют его рассуждения о романтизме в этот период в статьях «Крушение гуманизма» (1919), «Гейне в России» (1919), «Об иудаизме у Гейне» (1919), «О романтизме» (1919) и др. И, несмотря на то, что поэт делает это, по словам исследователя В.И. Гусева, «в свободной, “художественной” форме» [Гусев: 298], его взгляды на искусство, на романтизм представляют собой ясную концепцию. П. Коган определяет блоковский романтизм как «новый романтизм»: «Блок – романтик, усвоивший все заветы романтизма и его трансцендентальную иронию... Но его романтизм – новый романтизм... Его мечта сохранила черты старой романтической мечты. Она охватывает универсум» [Коган 3: 143].

Важную роль в формировании блоковской интерпретации романтизма сыграло раннее исследование В.М. Жирмунского, посвященное немецким романтикам [Жирмунский]. Кроме того, в период

работы в театре Блок редактирует собрание сочинений Г. Гейне, в которое планирует включить статью В.М. Жирмунского «Гейне и романтизм». По мнению А.Б. Блюмбаума, «В концепции романтизма, обнаруженной поэтом в ранних работах В.М. Жирмунского, Блок, по всей видимости, опознавал “свою” точку зрения, где поэзии отводилась ключевая роль той “музыкальной” инстанции, которая воплощает прософическую открытость “ноуменальному” и которая “спасет природу”, вернув мистическое начало в мир, “расколдованный” “обывательской” и “беззвездной” “цивилизацией” XIX века» [Блюмбаум: 82].

Блок придерживается позиции, что романтизм существовал всегда, ибо он был важным звеном, связывающим человека со стихией, поэтому следы романтизма можно увидеть в каждом произведении в любую эпоху: романтизм – «один из этапов того движения, которое возникло и возникает во все эпохи человеческой жизни. Мы уже имеем право теперь говорить о романтизме мировом как об одном из главных двигателей жизни и искусства в Европе и за пределами ее во все времена, начиная с первобытных» [Блок 6: 366].

В процессе работы в театре в 1919 г., Блок выстраивает свою концепцию театра, которая строится на идее вечности романтизма и красной нитью проходит через цикл его статей и речей для Большого драматического театра. В обращении к новому сезону Блок провозглашает главный принцип театра – возвращение к старому классицистическому и романтическому искусству. По его мнению, прежде чем создать новое искусство, нужно классике свершить еще много дел [Блок 6: 347]. В письме к М.Ф. Андреевой от 24 сентября 1919 г. пишет: «О себе хочу Вам сказать, что я с большим волнением готовлюсь поговорить с нашими актерами о романтизме (меня об этом просили Лаврентьев, Мичурин и еще некоторые) – «Рваный плащ», чем больше я думаю о нем как о пьесе, все более представляется мне не нашим, ненужным для нас, может быть, даже вредным для труппы романтического театра» [Блок 8: 345].

Статья «О романтизме» является ключевой в понимании Блоком романтизма. Блок утверждает, что романтизм зачастую понимался неверно, тем самым сформировались неправильные стереотипы о том, что романтизм стремится увести читателя от реальности. Он считает, что «подлинный романтизм не был отрешением от жизни; он был, наоборот, преисполнен жадным стремлением к жизни, которая открылась ему в свете нового и глубокого Чувства» [Блок 6: 363].

По мнению Блока, романтики «не отвергли и разум; они лишь отличили разум от рассудка и признали, что и в разуме заложена метафизическая потребность, сила стремления» [Блок 6: 364]. «Романтизм – условное обозначение шестого чувства, если мы возьмем

это слово в его незапыленном, чистом виде. Романтизм есть не что иное, как способ устроить, организовать человека, носителя культуры, на новую связь со стихией». Блок называет романтизм «оживляющим духом, который струится под всякой застывающей формой и в конце концов взрывается» [Блок 6: 365]. Поэт утверждает присутствие этого духа во все времена и в любом стиле, даже в классике и реализме: «истинный реализм, реализм великий, реализм большого стиля, составляет самое сердце романтизма» [Блок 6: 365].

Блок, исходя из заложенной идеи театра, вместе с коллегами тщательно отбирал пьесы для постановки. В письме к М.Ф. Андреевой от 27 апреля 1919 г. Блок так комментирует свой замысел: «Вот и весь репертуар – восемь пьес; чертеж этого репертуара такой: середина – неподвижный центр – Шекспир, вечное, общечеловеческое (в этом центре “Виндзорские кумушки”, которых едва ли удастся поднять, заменяются “Алексеем” – тоже не современное, а общечеловеческое). Одна стрелка – Шиллер и Гюго, другая – Ибсен, Сем-Бенелли и Левберг. Все это вместе – хороший волевой напор, хороший таран» [Блок 8: 446].

В начале мая репертуар был разработан, и 19 мая Блок произнес первую свою речь к актерам о репертуарном плане предстоящего сезона. В этот план вошли следующие семь пьес: Ф. Шиллер «Дон Карлос», У. Шекспир «Макбет». У. Шекспир «Много шума из ничего», А. Иернефельд «Разрушитель Иерусалима», М. Левберг «Дантон», Ф. Шиллер «Разбойники», С. Бенелли «Рваный плащ».

В этой репертуарной схеме, по мнению Блока, есть известная стройность. Его исходная точка – Шекспир, «без которого не имеет право обойтись до сих пор ни один театр с большим заданием» [Блок 6: 354]. Начинаясь Шекспиром, репертуар разветвляется в двух направлениях: в сторону высокого романтизма. Сюда относятся драмы Шиллера «Разбойники» и «Орлеанская дева», а также уже поставленная пьеса «Дон Карлос» и В. Гюго «Эрнани». Другое направление – это новые пьесы «Рваный плащ» С. Бенелли и «Дантон» М. Левберг, в которых история только «фата, прихотливо накинутая на то, что мы ощущаем, как свое, как близкое нам» [Блок 6: 354]. Рассказывая актерам о репертуарных предположениях, Блок одновременно рисует им те задачи, какие они должны осуществить, работая над произведениями высокого романтизма и над пьесами, сочетающими историю и современность.

Сезон 1920 г. продолжает логику театра, заложенную в его основе, поэтому новые пьесы, введенные в репертуар, являются образцами классического искусства: «Отелло», «Король Лир» и «Венецианский купец» У. Шекспира, «Царевич Алексей» Д. Мережковского. В 1921 г. были предложены для постановки

еще несколько великих произведений: «Синяя птица» М. Метерлинка, «Слуга двух господ» К. Гольдони, «Двенадцатая ночь» У. Шекспира, «Рюю Блаз» В. Гюго, «Лекарь поневоле» и «Смехотворные престлестницы» Ж.-Б. Мольера.

Блок поясняет, что выбор произведений был не случаен. Поэт тонко улавливает проблемы новой эпохи и стремится их донести до зрителя романтическими оппозициями: «добро» и «зло» (Ф. Шиллер «Разбойники»), «сухое» (бесчувственное) – «мокрое» (духовное) «светлое – темное», «легкое – тяжелое» и др. (Шекспир «Король Лир»), «правда» – «ложь» (Ф. Шиллер «Дон Карлос»), «реальность» – «мечта» (Метерлинк «Синяя птица»), «верность» – «предательство» (Ф. Шиллер «Дон Карлос»), «гармония» – «хаос» (Шекспир «Отелло»).

В своих статьях и речах для Большого драматического театра Блок выделяет ряд произведений из репертуара, на которых поясняет идеи, которые он планирует донести до зрителей. В каждой пьесе Блок подмечает романтические черты, которые, по его мнению, делают это произведение жизненным во все времена и особенно актуальным для России в революционную эпоху, так как в романтизме живет мятежный дух: «Знаменательно, что имя “романтизм” было произнесено именно тогда, когда стихия впервые в новой истории проявилась по-новому в духе народного мятежа; новая стихия дохнула со страшной силой во французской революции, наполнив Европу трепетом и чувством неблагополучия» [Блок 6: 366].

Например, во вступлении к спектаклю «Дон Карлос» Блок отмечает романтическое противопоставление добра и зла в мире: «Ложь и зло сами себя губят, за всякое злое деяние человек рано или поздно получит возмездие. Рядом с этим злом и ложью – каким радостным светом сияют добро и правда!» [Блок 6: 375].

Центральную часть репертуара составляют классические трагедии Шекспира, которые Блок призывает также трактовать сквозь призму романтизма. Так, в постановке трагедии «Отелло» он отказывается от натуралистического подхода, утверждая подход романтический [Блок 6: 386]. Поэт рассматривает Дездемону не просто как возлюбленную Отелло, а как его собственную душу, поэтому, обретая Дездемону, Отелло находит себя: «она – сама добродетель, она сама и есть та несказанная сущность, которая снизошла на мавра. Дездемона – это гармония, Дездемона – это душа, а душа не может не спасать хаоса» [Блок 6: 388]. В связи с этим поэт предлагает видеть Отелло «окруженным сиянием, пронизанным, светящимся изнутри каким-то необыкновенным светом» [Блок 6: 388]. Именно эту душу – Вечную Женственность – искали романтики и сам Блок.

В трагедии У. Шекспира «Король Лир» поэт не стремится поставить «зрителя над бездной ужасов,

злодеяний и горя», он предлагает акцентировать внимание на пороках общества, которое стало «сухим», «горьким», «беспощадным», «жестоким», чтобы призвать его искать «другой жизни, более совершенной» [Блок 6, 402–403]. Блок делит героев трагедии с помощью оппозиций, которые помогают ему более глубоко выразить противостояние героев и чувства, которыми охвачены герои: «светлый» – «темный», «легкий» – «тяжелый», «сухой» – «влажный», «мягкий» – «жесткий», «добрый» – «злой», «старый» – «молодой», «сладкий» – «горький».

Одной из задач современного классического театра было также создание нового героя-революционера, который вершит справедливость в мире, а не бесчинства. Блок считает, что такой герой в действительности уже давно был придуман романтической литературой, но воспринимался как забытый, и потому был недооцененным. Блок дает в качестве примера героя-революционера маркиза Позу из пьесы Шиллера «Дон Карлос» – честного благородного человека, настоящего героя-романтика, который стремится, чтобы все человечество жило счастливо, но зло не дает этому осуществиться. В пьесе «Разбойники» Блок выделяет образ Карла Моора – это честный человек, стремящийся защищать слабых и угнетенных. «Карл Моор – великое сердце и возвышенная душа. Он – революционер-мечтатель. Он чувствует неизгладимое противоречие между законом и свободой и во имя высокого стремления облагодетельствовать человечество утверждает сам для себя свое право нарушить закон и провозгласить свободу, потому что мир – гнусен, люди – жалки и ничтожны, лишены дерзости и воли и забыли природу» [Блок 6: 377]. Поэт также отмечает в романтических произведениях идею, актуальную для современного общества – ответственности за все человечество, «всемирное чувство, чувство как бы круговой поруки всего человечества» [Блок 6: 370].

Включая пьесу Л. Левберга «Дантон» в репертуар театра, Блок дает зрителям возможность задуматься над судьбой вершителей истории: «Во все времена человеческой истории, когда народ чувствовал особенный гнет над собою, появлялись революционные вожди. Мозгами этих вождей управлялось государство в минуту, когда народные руки совершали революцию. Жизнь вожаков всегда была полна тревог и бурь; судьба безжалостно трепала их, вознося на большую высоту, а потом иногда обрекала их на гибель» [Блок 4: 380].

Важной частью репертуара становятся комедии У. Шекспира, К. Гольдони и Ж.-Б. Мольера. По мнению Блока, они необходимы, чтобы через смех и слезы очистить свою душу: «Когда такой гениальный писатель открывает передо мной всю душу человеческую, я вижу все самые темные и грязные углы в этой

душе и все самые чистые и светлые ее комнаты. Тогда мне хочется плакать и смеяться. А ведь и то и другое – и смех и слезы – очищает мою Душу» [Блок 6: 379].

Идея восприятия смеха, иронии в качестве очищения восходит к немецкому романтизму. Ф. Шлегель писал об иронии: «В ней все должно быть шуткой и все всерьез, все чистосердечно откровенным и все глубоко сокрытым. Она возникает, когда соединяются понимание искусства жизни и научный дух, совпадают законченная философия природы и законченная философия искусства. Она самая свободная из всех вольностей, ибо благодаря ей можно возвыситься над самим собой, и в то же время самая закономерная, ибо она безусловно необходима» [Шлегель: 287].

Многогранность иронии утверждал и К. Зольгер: «В юморе все текуче, противоположности здесь повсюду переходят друг в друга, как в мире простых явлений. Ничто не бывает только комично или смешно без того, чтобы некая примесь достоинства и возвышенности не придавала ему оттенка печали... Предметом юмора может быть не только конечное, но и сама божественная идея, которая посредством юмора очищается и, как феникс, возрождается снова, только в более возвышенном и чистом виде» [Зольгер: 372].

Блок в своем творчестве различал позитивную, созидательную иронию, восходящую к романтической иронии, теоретически разработанной и творчески освоенной братьями Шлегелями, Зольгером, Новалисом и др., и разрушительную иронию, переходящую в злой сарказм, восходящую к Г. Гейне. Иронию гейневского типа поэт называл «болезнью века» и признавал ее неизлечимость: «Самые чуткие дети нашего века поражены болезнью, незнакомой телесным и духовным врачам. Эта болезнь – сродни душевным недугам и может быть названа “иронией”» [Блок 5: 345].

Блок во многом воспринял свою созидательную иронию, а также приемы гротеска от Гофмана, в творчестве которого ирония и гротеск были не только яркими выразительными средствами, но несли содержательную нагрузку [Королева]. В период работы над репертуаром для Большого драматического театра Блок утверждает важность созидательной иронии, которая бы обновляла и перерождала общество.

В общей концепции романтического театра Блок поднимает также проблему роли поэта в формировании идеалов нового общества. Этот вопрос является ключевым в пьесе С. Бенелли «Рваный плащ», где Блок дает публике идеал современно поэта, который должен не забывать о своем предназначении: «Писатель больше всех должен тревожиться и волноваться: он волнуется за многих людей, он бунтует для многих. Но вот он прославился, вот его засыпали деньгами; он собой доволен, а душа в нем умерла; ему мало дела до природы и до людей; книги заслонили от него жизнь» [Блок 6: 382].

Большая заслуга в возрождении романтизма в XX веке, по мнению Блока, принадлежит М. Метерлинку, который установил тесную литературную связь между ранними романтиками начала XIX в. и символистами конца века. Блок отмечает интерес Метерлинка к творчеству Новалиса и проводит параллель между «голубым» цветком и «синей» птицей, которые, по сути, являются романтическими символами, говорящими о недостижимом. В итоге своих размышлений Блок определяет пьесу-сказку «Синяя птица» М. Метерлинка как символическую, или неоромантическую.

«В речи к актерам при закрытии сезона» Блок вновь возвращается к вопросу, почему романтизм более актуален на данном этапе и дает ответ: он отражает мучительное противоречие для любого художника: «противоречие между искусством и жизнью, между мечтой и действительностью» [Блок 6: 396]. Несмотря на идею вневременности романтизма, Блок полагает, что «настоящей традиции в европейском театре до сих пор не существует: «Романтический театр возникает то там, то здесь и уступает свое место другому, не накопив полного опыта. Следовательно, артистам, посвящающим себя романтическому театру, во многом как бы приходится начинать сначала» [Блок 6: 370]. Чтобы создать в театре романтическую традицию, Блок призывает собрать «разрозненные куски прежнего опыта, что должно быть одним из важных предметов занятий в той студии, о которой мы думаем» [Блок 6: 370].

Таким образом, Блок к выбору репертуара Большого драматического театра подходит очень серьезно, все произведения содержат какую-либо мысль, в высшей степени важную для современности. Отобранные пьесы как бы выстраиваются в единый цикл, объединенный общей идеей и определенным типом героев. Блок выбирает для постановки такие пьесы, в которых проявляются те или иные черты романтизма. В результате весь репертуар имеет единую систему, цель которой – дать зрителю возможность посмотреть на классику новыми глазами в свете Революции 1917 г., когда происходила ломка ценностей и закладывались новые принципы искусства. Блок хотел внести свой вклад в обновленную систему ценностей, выдвигая на первый план своего романтического героя – революционера, человека с чистой, доброй душой, который стремится создать справедливое общество, построенное на принципах добра, в основе которого будут лежать вечные ценности в виде классики.

Список литературы

Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л.: Художественная литература, 1961–1963.

Блюмбаум А.Б. Поздний Блок и немецкий романтизм: «Спасение природы» // Блоковский сборник XIX.

Александр Блок и русская литература Серебряного века. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2015. С. 56–85.

Гусев В.И. Концепция романтизма в статьях А. Блока // Литературные направления и стили. М.: МГУ, 1976. С. 298–310.

Дела и дни большого драматического театра. Л.: Academia, 1919–1926. Т. 1. 67 с.

Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Тип. Тов-ва А.С. Суворина «Новое Время», 1914. 207 с.

Зольгер К.-В.-Ф. Эрвин. Четыре диалога о прекрасном и об искусстве. М.: Искусство, 1978. 432 с.

Коган П.С. Очерки по истории новейшей русской литературы. М.: Тип. Общественная польза, 1910. Т. 3, вып. 2. 161 с.

Королева В.В. А. Блок и Э.Т.А. Гофман (традиции романтизма в символистской поэтике): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007. 233 с.

Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. М.: Искусство, 1983. Т. 1. 479 с.

References

Blok A.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works: in 8 vols.]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literature Publ., 1961–1963. (In Russ.)

Bliumbaum A.B. *Pozdnii Blok i nemetskii romantizm: "Spasenie prirody"* [Late Blok and German Romanticism: "Saving Nature"]. *Blokovskii sbornik XIX. Aleksandr Blok i russkaia literatura Serebriianogo veka* [Blok's collection XIX. Alexander Blok and Russian Literature of the Silver Age]. Tartu, Izd-vo Tartuskogo universiteta Publ., 2015, pp. 56–85. (In Russ.)

Gusev V.I. *Kontseptsiiia romantizma v stat'iakh A. Bloka* [The concept of romanticism in the articles

of A. Blok]. *Literaturnye napravleniia i stili* [Literary trends and styles]. Moscow, MGU Publ., 1976, pp. 298–310. (In Russ.)

Dela i dni bol'shogo dramaticheskogo teatra [Affairs and days of the big drama theatre]. Leningrad, Academia Publ., 1919–1926, vol. 1, 67 p. (In Russ.)

Zhirmunskii V.M. *Nemetskii romantizm i sovremennaiia mistika* [German romanticism and modern mysticism]. St. Petersburg, Tip. Tovarishchestva A.S. Suvorina "Novoe Vremia" Publ., 1914, 207 p. (In Russ.)

Zol'ger K.-V.-F. Ervin. *Chetyre dialoga o prekrasnom i ob iskusstve* [Erwin. Four dialogues about beauty and art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978, 432 p. (In Russ.)

Kogan P.S. *Ocherki po istorii noveishei russkoi literatury* [Essays on the history of modern Russian literature]. Moscow, Tip. Obshchestvennaia pol'za Publ., 1910, vol. 3, issue 2, 161 p. (In Russ.)

Koroleva V.V. A. Blok i E.T.A. Gofman (*traditsii romantizma v simvolistskoi poetike*): *dis. ... kand. filol. nauk* [A. Blok and E.T.A. Hoffmann (traditions of romanticism in symbolist poetics): PhD thesis]. Ivanovo, 2007, 233 p. (In Russ.)

Shlegel' F. *Estetika. Filosofii. Kritika: v 2 t.* [Aesthetics. Philosophy. Criticism: in 2 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1983, vol. 1, 479 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.12.2021; одобрена после рецензирования 18.01.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 03.12.2021; approved after reviewing 18.01.2022; accepted for publication 12.05.2022.